

Пунцовеющие завитки сентябрьских облаков, нависших над кустистыми лесополосами вдоль железнодорожных путей, рождали у него ассоциацию с разворошенным букетом вялой мальвы на краю подоконника. Такая масштабная панорама на горизонте возникала лишь при нагромождении кучевых облаков — редком госте в здешних засушливых местах. В эти минуты Михаила что-то заставляло взбегать по приставной лестнице на высоту и, прислонившись спиной к гладко струганному фронтону, праздно насыщаться перед сном видом догорающего дня. Позыв, привязавшийся к нему еще в школьные годы, до сих пор довлел над его созерцательной душой, словно это было так важно — ловить всякие мимолетности.

Сейчас он шел навстречу этому мареву, держа на прицеле двускатную крышу вокзальчика его степного поселка, который называть городом язык не поворачивался. Местными вполне осознавался тот факт, что статус города достался их скромной веси лишь благодаря тому, что рядом расположилась войсковая часть, численность которой приплюсовали к Типчаку. На веку Михаила поселок, бесспорно, не успеет перерасти самого себя. С нагрянувшей перестройкой и вовсе замерло всякое маломальское строительство, здешние ПМК и ДСУ с порядковыми номерами такими-то стали после оптимизации несуразно скукоживаться, иные вовсе обезлюдели, лишь осиротевшие начальники еще держали на всякий случай сторожей, которые ночевали в конторах, дабы их не принялись растаскивать по кирпичикам.

Летом на этих широтах смеркается очень затяжно, люд по домам уже доглатывал новостную программу «Время» единственного телевизионного канала, а улицы еще оглашались чьими-то задорными до дурашливости вскриками, трескотней лихого мотоцикла, бдительными па-па автомобильных клаксонов. Долго рядившийся дождик лишь скаречно пробрызгал пыльные улицы, но все равно задышалось полегче.

Михаила никто не провожал. Мать он не стал тревожить — зачем ей потом в сумерках тянуться домой на окраинную улицу? Хотя в свои семьдесят она выглядит на диво бодрой, но шаг уже не тот, ноги столь безбожно натружены огородом, что икры приходится при выходе на люди маскировать старомодными чулками даже в жару.

Пара стандартных лавочек из бруса, на одну из которых присел Михаил, покоилась под кленами вплотную к железнодорожной насыпи, перрон возвышался над головой. При прокладке рельсов этот вытянутый холм не стали сглаживать бульдозером, поэтому вокзальчик старомодной архитектуры с толстыми литыми стенами сидел в занижении и к нему спускался с перрона ряд ступенек.

Десятичасовой поезд до Ниваграда уже прошел. В сетке движения не значилось больше никаких пассажирских составов, кроме товарняков. Лет пять назад на радость аборигенам ввели еще и сумеречный одиннадцатичасовой маршрут. Через каждые два дня из тупикового областного центра Боксита прибегало нечто вроде электрички

в пяток вагончиков почтового вида. К ним пристегивался сквозной купейный вагон до Москвы. Это стало огромным облегчением. Раньше до столицы можно было добраться лишь из Ниваграда.

В такое позднее время на перроне почти никого не было, лишь дежурный милиционер и путеец с железом, который он обязан передавать машинисту. А вот и родимый составчик, притормаживая, резко осветил своим прожектором уходящие в бесконечность шпалы.

Проводник недоуменно взглянул на предъявленный билет до столицы: куплен в Боксите, а садятся здесь, на сотню с лишним километров дальше.

— Всегда беру там заранее в предварительной кассе,— счел своим долгом пояснить Михаил.— Зато без проблем. А тут пришлось бы заказывать...

— Понятно,— расправил упитанный проводник собранные в трубочку губы среди сизости проступающей щетины.— А то я уже хотел докладывать по линии, что в Аркальке один пассажир не сел. Посчитали бы, что кто-то опоздал или передумал, хотя билет почему-то не сдал...

При Михаиле была наплечная сумка с провизией на три дня и баул — домашние разносолы гостинцем сестре, которая была старше его на целых семь лет. Он протолкнулся в пустой коридор купе. Еще на перроне разглядел, что окна прицепного вагона не светятся, за стеклами не видно никаких лиц.

Когда Михаил отодвинул дверь третьего купе, он к своему удивлению увидел, что там уже обосновалась троица: старикан с плотным до скарелности прижимом узких губ и двое парней слегка за тридцать лет. Был включен лишь один плафон под потолком, поэтому свет такой тусклый. А штора на окне задвинута, вот и показался Михаилу весь вагон необитаемым.

— Потесню вас малость,— извинительно произнес Михаил.— Такое уж место выпало по «лотерее»...

Пассажиры никак не отреагировали на это подобие шуточки, а один из парней все же с подтекстом спросил:

— Вы куда?

— До самого конца.

Такой ответ, видно, не особо порадовал заселившихся ранее, они вынужденно молчали, смирившись, что сразу же придется делить купе с посторонним.

— А вы? — в свою очередь поинтересовался Михаил, тоже с тайной надеждой, что не до самого конца ему попутчики.

— Тоже до Москвы...

Значит, все трое суток не будет смены лиц и декораций...

Михаилу досталась верхняя правая полка. Уложив вещи в вагонный рундук, он взял у проводника стопку вкусно пахнущих хозяйственным мылом постельных принадлежностей и с обезьяньей ловкостью закинул наверх свое поджарое естество, чтобы не стеснять других. Попутчики, сгрудившись внизу у столика, железобетонно отмалчивались, даже между собой перебрасывались лишь незначительными фразами. Михаил прикидывал, где же они сели? Явно не в Боксите — не чувствуется городского лоска. Еще две мелкие промежуточные станции тоже можно отбросить. Там редко садятся, поезд останавливается буквально на мгновение в два-три вдоха. Значит, из Тастау. А он в этом соседнем райцентре отработал четыре года после университета. Поселок совсем крохотный, просматривается из конца в конец. Многие там примелькались, но эти лица ему не знакомы. Впрочем, с той поры прошло уже десять лет, может, эти перебрались в Тастау из какого-то отдаленного села...

Был бы на месте знакомый проводник Захар, у него можно было бы навести справки. Но сейчас не его смена.

Задний вагон шел неустойчиво и в такой короткой сцепке. Через пару остановок на Узловой их прицепят к другому поезду, опять в самый хвост, будет бросать из

стороны в сторону еще ощутимей — даже не почитать книжку. Прежде он пробовал это делать, но чуть не вывихнул глаза.

Глубоко за полночь на Узловой их отцепили, и маневровый паровоз потащил вагон по лабиринту боковых ответвлений. Они оказались далеко на околице. Когда маневровый отцепился и уехал, попутчики настропалились на улицу. Михаил тоже поплелся следом. По очереди прыгнули с высоко задранной подножки на гравий, ощущимо отбивая пятки. Кругом непроглядно, лишь в отдалении желтые квадратики окон и мерцающие грозди столбовых лампочек. Неуютно до озноба, так и кажется, что сейчас откуда ни возьмись вывернется из крошечной тьмы этакий полосатый Попандопуло и начнет тыкать всем в живот плохо заряженным маузером: «Ну-кась, что там интрэсного у ваших баулаха?..»

Пробивающие душу голоса из рупоров, делающие их совершенно бесполоыми. Остро чувствуешь свою незащищенность, словно мимо тебя, несмотря на страдную пору, пролетают снежки, рождая позыв увернуться от них. А тут еще и потянуло из-под колесных пар злющим сквозняком.

Некомпанейские попутчики лениво покуривали, переминаясь с ноги на ногу под нескончаемые диспетчерские перелаиванья. Все знали, что гонять по путям этот прицепной вагон будут почти до утра. Лишние пять с половиной часов вынужденного простоя, из-за этого путь до столицы растягивается на целых трое суток. С приплюсованием обратного пути почти неделя вычеркнутой жизни. А куда денешься? С пересадками добираться было бы еще муторней из-за того, что придется томиться в нескончаемой очереди, чтобы закомпостировать свой билет.

Попутчики не изъявляли ни малейшего желания общаться со свалившимся на их голову Михаилом, что было довольно непривычно. Чаще приходилось наблюдать, что в пути успевают сдружиться, иной начинает загружать тебя разными историями — не отмахнуться. Сейчас больше никого в целом вагоне, а от него старательно отворачиваются. Старый дядька, как стало ясно, отец этих двух парнишек. Они помладше Михаила. Папаша словно плющит каждое словечко неисправимо поджатыми губами, едва-едва выпархивает оно на волю, нещадно деформированное.

Народ начнет набираться после Узловой, когда пойдут более крупные города. Михаил, в одиночестве челноча от нечего делать вдоль вагона, вспоминал этот затрапезный райцентр Тастау. Даже его сосед по улице Мартын, с которым учились в одной школе, а теперь он гонял в рейсы на автобазовском ЗИЛе, при упоминании об этом местечке поделился с другом детства: «Когда я проезжаю мимо этих Тастау, где ты «бичевал» несколько лет, у меня такое чувство, будто в яму проваливаюсь. Даже эти мелкие разбеды с элеваторами не действуют так угнетающе...»

Действительно, типовые двухквартирные домики Тастау из оштукатуренных щитов уныло тянутся в полукилометре от трассы, за нещадно истоптанным, колесистым полем, на котором в жару быстро выгорает всякая былинка. В распутицу там не пролезть даже в резиновых сапогах из-за вязкой глины. Населенный пункт излучает привлекательность на щедрые ноль с минусом. У съезда с трассы громоздится паспорт — железные буквицы на таком же массивном бетонном постаменте. Маячит сие на фоне сплошных пахотных полей без единого деревца, сбоку тянется занижение урочища, пригодное лишь для выпаса скота. Проезжающим, небось, кажется, что эта непомерная железная конструкция собирается идти на таран.

Галька промеж железнодорожных путей увязливо шуршала под ногами приунывшего Михаила. Бессмысленный моцион перед сном...

Проводник высунулся и затейливо кинул с верхотуры:

— По нарам! Сейчас опять начнут мотылять. А то будете потом играть в догонялки...

Снова в обжитом купе защелкнулась дверка. Маневровый приятельски чокнулся тарельчатыми буферами с бесхозным вагоном, и снова началось — туда-сюда. Изло-

манный свет от фонарей постреливал сквозь щель в занавеске, отражаясь в зеркале. Гомонящие рупоры то усиливались за окном, то ослабевали при удалении. Все четверо улеглись на свои места, потушив светильники у изголовья.

Лишь к утру все это сложное бродяжничество по многочисленным веткам угомонилось. Сквозь сон было слышно, как по купе зашаркали ноги свежих пассажиров из Узловой.

Когда Михаил разлепил глаза, его попутчики уже завтракали за столиком. Он не стал слезать, потом сам перекусит на скорую руку. Тем более, что никто хотя бы из вежливости не предлагает присоединяться.

Наконец очередь дошла и до него. Он ловко спрыгнул вниз, ювелирно рассчитав траекторию, чтобы не зацепить никого. Земляки с явным удивлением покосились на него — акробат, что ли? Да нет, просто надо дружить со спортом и поменьше вредных привычек. В рамке окна пестрели уже более веселые акварели: сочные перелески, перемежаемые равнинами с добротными домиками вдоль падей.

Михаил достал из сумки тетрапак с минералкой, пару вареных яиц и бутерброды. Один из братьев, по виду старший, крутанул ручку радио — полилась бодрячковая музыка с краткими дикторскими вставками. Соседние отсеки теперь наглядно сигнализировали о своей заполненности детскими восклицаниями, гулом разговоров, чьей-то гитарной секвенцией. Михаила немного задевало за живое, что попутчики не торопятся с ним панибратствовать вопреки неписаным дорожным обычаям, когда можно за трое суток так сдружиться, что и адресок дадут на прощанье: мол, милости просим в гости при случае. Вдвойне обидно, что они одни здесь опоясаны обязывающей нитью землячества.

— Вы, как я понял, из Тастау? — не выдержал Михаил.

Старикан что-то гукнул, вроде бы утвердительно.

— Я там тоже отработал четыре года,— объявил Михаил, уверенный, что сразу зародятся вопросы к нему. Но эта новость никого не заинтересовала, с ним по-прежнему не торопились завязывать тары-бары.

Закончив трапезу, он смахнул отходы на газетный листок, все вместе скомкал и понес к мусорному баку. Когда вернулся, увидел, что место у столика занято с обеих сторон. Видимо, ему весь путь придется сидеть в сторонке. Насытил глаза проплывающими за окном березками и решил продолжить начатую тему о родном поселке попутчиков, а то как-то все оборвалось на полуслове.

— В Тастау была спецкомендатура, и меня поначалу подселили прямо к «химикам», больше некуда было пристроить,— сам себе усмехнулся Михаил при воспоминании сего курьеза.— В общем-то, было спокойно, все условно освобожденные, а загремели по мелким статьям: воровство, хулиганство, иные просто по собственной глупости. Работали на стройке. Досиживал там свой срок и один старый цыган, к нему перебралась вся семья. Он все присматривался ко мне и вдруг спросил, хотя среди зеков это не принято: «Никак не могу сообразить, паря, за что же ты сидишь?» Рассмешил дядька, нечего сказать. Я ему объяснил, что после универа тружусь в редакции, а сюда поселили временно. Сам-то цыган сидел за кражу лошади, это всем было известно...

Попутчики деланно усмехнулись, но ничего не стали добавлять в поддержку своеобразной темы. Михаил решил продолжить:

— Так и прожил среди зеков два года, пока не отремонтировал себе заброшенную клетушку в почтовой общаге. А вот на днях я проезжал мимо Тастау на поезде, стал рассматривать в окно тот участок, где спецкомендатура, она рядом с железной дорогой. И вдруг вижу сплошной пустырь, все четыре барака снесены, даже следов не осталось. Значит, больше не ссылают туда зеков...

Он стал переводить взгляд с одного на другого. Старший, по всей видимости, парнишка в джинсовой куртке нехотя ответил:

— Да мы не из райцентра. Живем рядом, в Жанадале...

Этот крохотный совхоз, насчитывающий всего шестьсот с небольшим жителей, находился в километре от райцентра — через пустырь, по которому не раз хаживал Михаил, чтобы взять у кого-нибудь из сельчан интервью для местной газеты. Знал наперечет всех передовых скотников, трактористов, доярок. Был там и единственный в районе герой соцтруда — механизатор широкого профиля Варзаинов, о ком помещали в газете целые очерки на всю полосу. Но этого папашу двух сыновей Михаил никак не мог припомнить, видимо он отнюдь не числился в списке передовиков.

Теперь Михаил решил обратиться непосредственно к старшему из братьев, лишь тот хоть что-то ответил. Продолжил погружение в воспоминания:

— Помню, одно время на «химию» прямо пачками стали присылать горячих сынов солнечной Грузии, все молодежь. Они толпами бродили по райцентру, затевали драки с местными. В нашей типографии работали две девчонки — линотипистка Ленка и печатница Валька. Знали таких?..

— Конечно,— неожиданно споро откликнулись сразу оба парня.

— Кручеными, однако, оказались девки,— вставил Михаил.

— Да уж,— поддакнул старший и все-таки расщедрился на кучку комканых слов: — Мы с ними пошатаемся по улицам и уже ночью проводим до самого дома. Потом в два часа ночи выйдешь покурить, а на трассе опять чей-то знакомый смех — в такое-то время. Приглядишься, а это наши девчата уже с грузинами. У нас — вот такие болты!..

Старший парень приложил к глазам скругления пальцев в виде очков,— как могут расширяться зенки от удивления.

Больше в этот день общие разговоры не клеились. Братья выходили на остановках размяться, покуривали в тамбуре. Михаил заметил, что в купе при отлучках обязательно кто-то один из семьи оставался. Понятно. Все опасаются за свои вещички, хотя Михаил считал, что после таких свойских рассказов он находится вне всяких подозрений.

Ему хотелось расспросить ребят про эту оторву Вальку. Когда его поставили ответсекретарем в той газетке, что издавалась в Тастау, он стал буквально пропадать в типографии — пока не подпишут очередной номер. Коллектив постоянно менялся, приходилось набирать новых работников из числа вчерашних школьников, обучать их с азав верстать, резать бумагу на станке, печатать. Сугубо женское окружение, сильный пол не стремился на столь нудную и вредную работу. Там и приглянулась Мишке молодка, новая печатница Валентина. Небольшого росточка, но плотно сбитая. Резкая на поворотах. Излишком интеллекта явно не страдала, так как покинула школу после восьмого класса. Совершенно никак они «не корреспондировали» друг другу, если вспомнить хлесткое дореволюционное выражение. Просто у Мишки разыгрался на нее аппетит. Она сразу же заметила это, и все время ершилась, вознамерившись определить его под каблук, и никак иначе.

Михаил вспомнил, какие заоблачные требования пыталась предъявлять ему эта оторва, будучи еще совсем зеленой. При этом каждый раз заботливо готовила для него очередной наборчик изящных язвительностей, всерьез полагая, что это придаст ей больше шарма. Вознамерилась отхватить приличные дивиденды? Вот и хорошо, что у них ничего не сладилось. Ему не раз приходилось наблюдать, как иные пары со всей изобретательностью, достойной лучшего применения, прилюдно соревнуются во взаимных колкостях, а оно ему надо?..

Теперь его так и подмывало выведать некоторые подробности. Включился в уме сравнительный анализатор,— действительно ли можно добиться чего-то существенного в жизни и мягко устроиться с таким арсеналом вероломных штук, какой был на вооружении у его давней знакомой? Вскоре после того, как он уволился из той редакции, типографию закрыли, а газету стали печатать в областном центре. Валька

перешла работать на заправку, видел ее однажды проездом в окошке будки на окраине Таастау.

Под вечер задал парню в джинсе наводящий вопрос относительно этой девицы. С горем пополам почти клещами вытянул кое-что: Валька сошлась с каким-то приезжим. Работал грузчиком на элеваторе. Пустили его к себе примаком. А через какое-то время он поехал якобы в гости к родственникам в Калининград и испарился. Так тщательно прячутся только от алиментов...

Прицельные заемные остроты Вальки прямо в темечко Михаила. Даже для уха болезненно, а ему довелось обитать в таком окружении, когда каждая клетка организма испытывает давление торжествующей опошленности незнамо для каких целей, просто так — для минутного куража. Одна, — он лицезрел на своем пути и таких, — сидя на лекциях в аудитории, любуется магическими квадратами, способна испытать умственное удовольствие даже от осознания математического курьеза, что квадратный корень из ста невозможно извлечь, другая условно невестящаяся молодка в тот же самый момент переполнена куражливостью, как самоцелью, ей лишь бы сморозить что-то позабористей. Вот и сравнивай...

В общем, ничего в жизни этой бывшей печатницы коренным образом не изменилось. Все так же сидит за форточкой на заправке.

С тех пор Таастау пришел в полное запустение. Колонки не работают из-за того, что сгорел насос. Воду подвозят на приватизированных водовозах частники и раздают ведрами. Огород теперь на разведешь, воды хватает лишь на готовку и стирку. Поговаривают, что собираются сокращать этот райцентр как неперспективный. Это значит, что опустеют все административные здания, все организации с ведомствами: милиция, местная стройконтора, баклаборатория, редакция и все прочее. Народ побежит, кто куда, останутся лишь те, которым деваться некуда. Если Боксит напоминает теперь площадку для съемки фильмов ужаса, — целые микрорайоны зияют выбитыми окнами многоэтажек, — чему еще удивляться? Этот областной центр тоже собираются упразднить, а их район присоединят к Ниваградской области. Уже была дискуссия по краевому радио.

* * *

Большей частью Михаил полеживал на полке, чтобы не мешать семейству, вдруг и старому захочется растянуться на своем лежаке. Размышлял, как же ему перебраться в Подмоскowie — поближе к сестре. Только скопится что-то более-менее весомое, начинаются обмены денег, после которых все прирожденные обыватели оказываются в банкротях.

За что только не хватался Михаил, когда стали надвигаться ломкие времена. Проводил дискотеки, озвучивал свадьбы, открывал видеосалон. Он искал надежного заработка, но буквально все его начинания через определенный промежуток времени сходили на нет. Дискотеки приелись, молодежь поголовно накупила носимых магнитофонов, и на свадьбах теперь обходились без его довольно громоздкой аппаратуры. Сначала во всем поселке было два-три видика, которые стояли в пол-Москвича, а через пару лет они подешевели и появились во многих семьях. Видеосалон стал не нужен — все обменивались друг с другом кассетами.

Фотографией Михаил сначала занимался просто для себя. Загадал стать настоящим профессионалом. Перебирал самые разные комбинации растворов, добываясь предельной четкости снимков. Но секрет таился не только в этом. Однажды, прогуливаясь по Москве, где он проводил каждый свой отпуск, увидел на одном здании близ Публичной библиотеки загадочную вывеску: «Особо чистые вещества». Заинтригованный этим, заглянул внутрь, помещение оказалось не очень просторным, без витрины с пакетиками, коробочками и пузырьками из затемненного стекла. Спро-

сил у продавщицы, есть ли что-нибудь для фотографии, ему указали на застекленную тумбу. В ней было разложено то же самое, что он применял: метол, гидрохинон, сульфит натрия. Только все в другой упаковке и ценник в десять раз весомей. Отчего такая дороговизна? Пригляделся к надписям и увидел, что процент очистки даже обычной технической соды просто запредельный. Накупил всего для пробы. Попутно запаса дистиллированной водой. А потом, когда проявил пленку и сделал отпечатки, сам ахнул, насколько они оказались ясными.

У него стали появляться заказы, так и втянулся, потом освоил и цветной процесс. Химикатов нигде не было, приходилось мотаться в Москву, где в «Зените» временами выбрасывали все необходимое. Если собрать воедино все его наезды, получится, что он прожил в столице уже около двух лет.

Когда попал под сокращение, думал, что его бесценные навыки будут кормить до самых последних дней. Он был нарасхват: свадьбы, утренники, похороны, фото на документ. Но недавно на последнем звонке в селе Пригородное, куда он мотался на велосипеде, его здорово «подкузьмили». Едва начал фотографировать, как очередь стала выстраиваться у одного верткого девятиклассника с «Поляридом». Тот щелкал и тут же выдавал готовые снимки по двести рублей — в три раза дороже, чем у профессионала. У Михаила, конечно, тоже был такой «Полярид», но он даже не захватил его с собой, считая, что мало кому будут нужны крохотные картонки, на которых ничего не разглядеть по существу. Это подсуетилась завуч школы, надоумив своего сыночка тоже включаться в бизнес. Он сразу выдает снимки, а у другого фотографа еще надо ждать с неделю, когда он отпечатает их.

К тому же Михаилу все чаще стали задавать вопросы, не может ли он снять на «Кодак»? В Ниваграде открыли пункт печати и проявки импортных пленок, это обходится дешевле. Скоро массово обзаведутся дешевыми китайскими «мыльницами» и каждый станет сам себе фотограф. А если и в Боксите откроют такой сервисный пункт, то Михаил навсегда потеряет кормное дело, ведь до этого областного центра меньше двух часов на автобусе. Логичней было бы радоваться стремительному развитию технологий, но можно понять и озабоченность того, чьи навыки и знания, добытые неимоверным упорством, стремительно обнуляются. В крупном городе можно хоть за что-то зацепиться, а в провинции пропадай, так у нас устроено. Размножившиеся, словно грибы, кооперативы через пару лет извели непомерными налогами — все до единого позакрывались. Воцарилась одна перепродажа...

Даже часовщик быткомбината, чья застекленная будочка в гостиничном вестибюле за двадцать лет стала местной достопримечательностью, в одночасье потерял работу. Если он за месяц чинил не больше пары будильников, все равно исправно начислялась зарплата. Выброшенный в стан безработных, стал искать новое применение своим рукам. Услышал краем уха, что в Ниваграде сколачивают бригады по отделке современным пластиком всех зданий в центре, и сагитировал целую толпу таких же бедолаг. С предвкушающими лицами двинулись на заработки. Часовщик изредка заскакивал домой, но алчущая родня никаких таких капиталов не обнаруживала при нем, его лишь авансировали мелочью, едва хватающей на пропитание. Всю оговоренную космическую сумму обещали выплатить по окончании работ. Потом подрядчик аннигилировался, не нацарапав прощальной записки; все как на подбор доверившиеся остались с носом. И вот Михаил натывается на невеселые виды: часовщик то помогает очередному предпринимателю прибивать вывеску на новом магазинчике, то подметает тротуары.

Теперь Михаила точит лишь одно — как бы ему тоже не остаться на бобах в своем захолустье. Здесь все продвижения теперь только по землячеству. Очутившемуся на дне не позавидуешь. Замешкает — и его ждет блестящая перспектива оказаться на побегушках у какого-нибудь местного заправилы.

Вот и надо накопить мал-мал, чтобы обосноваться в каком-нибудь скромном

пригороде Москвы — поближе к родным. Неплохо бы осесть в Апрелевке, там огромный завод грампластинок. Его, наверно, перепрофилируют под выпуск компакт-дисков. Вот и собрался опять за наборами химикатов. С некоторых пор на Казанском вокзале обосновались таможенники, проверяют сумки у отбывающих. А у него набирается прилично багажа. Увидят сотни пачек фотобумаги в огромной китайской плетенке — сразу завернут. Нельзя. В таких случаях выручает проводник Захар, сам пронесит в свой отсек все это, якобы для себя. Не за спасибо, конечно...

На вторые сутки пути Михаилу опять не терпелось поподробнее расспросить о том местечке, куда его заносило судьбой. Интересно все-таки. К тому же оказалось, что Валька встречалась и с этими братцами. А потом с подругой шла к южанам в зек-овский барак. Не зря про нее ходила темная молва. Знакомые удивлялись, почему он так «запал» на эту верхивостку? Взбесилась тогда, когда он ей намекнул о двурушничестве. Вынашивала планы отомстить самым изощренным способом.

— Ну, у тебя-то все благополучно в семейном плане? — рискнул вторгнуться Михаил в личную жизнь старшего из братьев.

— Какой там! — махнул он рукой. — Развелся...

— Значит, тоже все в прошлом. Просто наваждение: кого ни спроси — каждая вторая пара успешно разбежалась. Почему-то чаще всего по одной и той же причине. Когда все вылезает наружу. А в вашем случае как выяснилось, если не секрет?..

Мишка не сомневался, что и здесь задействован тот же сценарий.

— Сама все выложила, — коротко отпечатал тот.

— Как это... на исповеди?..

— Прижал хорошенько — сразу запищала. — И прибавил с каким-то зловещим оттенком: — Они меня знают! Со мной лучше не связываться!..

Михаил старался приглушить радио, спасаясь от невыносимо приевшихся песенок, но едва выходил из купе, громкость снова добавляли, чтобы терзало уши в тысячу раз злее «Я уеду в Комарово», где почему-то подчеркивается, что этот вояж всего до второго числа (чтобы в рифму?), а месяц таинственно неизвестен.

Отстучала на стыках уже первая половина пути, состав медленно проехался по длинному мосту через неохватную волжскую ширь, а соседи снова словно отделились от земляка шершавым забором. Если в прежние времена все попутчики еще не отлившей молодости запросто представлялись друг другу по именам, то эти земляки упорно соблюдают инкогнито.

Михаил предпринял последнюю попытку растопить лед отчужденности:

— Мы вчера вспоминали Валюху. Так вот, она мне устроила хорошую каверзу. Из-за нее вся моя жизнь могла покатиться кувырком. Нисколько не преувеличиваю. Когда она достала меня своими фокусами, я ей дал понять, что пусть поищет другой объект для своих штучек-дрючек. Надоело все до чертиков. И она в отместку подстроила отменную провокацию. Это я сразу понял, когда меня возле местного клуба внезапно остановила до предела накрученная троица и повела в кочегарку — «поговорить». И сразу же предъяву, будто я распространяю про этих молодцов шибко нехорошие слухи. Я их знать не знаю, а они так взбеленились, у всех перекошенные лица — покусились на их имидж самых крутых...

Парни замерли на Михаиле напряженным взглядом, внимая каждому слову.

— Особенно дергался один. Размахнется, словно хочет перебить мне горло, кивает на здоровяка соседа, который якобы занимался боксом и может любого вырубить с одного удара. И все наперебой кричат мне в лицо: «Не веришь? Не веришь?» Тут до меня дошло, что моя жизнь действительно висит на волоске. Могут грохнуть ни за что ни про что. Я мгновенно сконцентрировался и приготовился к отпору. Это именно та ситуация, когда если не ты замочишь, то тебя точно распнут. Волчье чутье подсказало бы мне, когда этот молодец размахнется уже для настоящего разящего удара. Тут же прикинул: мгновенно перебиваю этому горло и сразу ногой в пах боксеру.

Кулаками с таким бугаем бесполезно, у боксеров реакция автоматическая. Ну а цыганистый кочегар сам отскочит в сторону со своей лопатой, увидев такой оборот. Сразу в дверь и бегом — сдаваться в милицию. Потом бы парился на нарах со своим высшим образованием...

Михаил сглотнул горький комок от таких корявых воспоминаний и уже доведком:

— Слава богу, все разрулилось бескровно. Я потребовал привести сюда того, кто на меня так наклепал: «Пусть все повторит при мне!» Знал, что не потащат сюда этих типографских девок. Дружки, видно, поняли, что я совсем «не при делах», и отпустили меня. И буквально через месяц тот взвинченный парень со своим младшим братом зарезал одного человека. Вечером на трассе остановили самосвал и потребовали, чтобы шофер вылез из машины — им, видите ли, загорелось покататься. Тот уперся и получил удар ножом прямо в сердце. А парни преспокойно сели в машину и всю ночь катались, пока утром им не заломили руки. Потом весь поселок гудел. Так что я всерьез рисковал в кочегарке, вполне могли и меня отправить к праотцам, если бы сразу принялись метелить — без всяких объяснений...

Михаил, выговорившись, откинулся к стене. Братья как-то сразу засуетились, полезли в карманы за сигаретами. Вышли в тамбур. И тут Михаила словно пронзило током. Да ведь те братцы были тоже из Жанадалов! И по возрасту как раз подходят...

Отец парней сидел за столиком с каким-то кислым лицом. Михаил пристально посмотрел на старого, и у него интуитивно вырвалось с каким-то напором:

— Как ваша фамилия?

Старик забегал глазами, но с видимой вынужденностью выронил из ротовой щели до предела изжеванную фамилию. Михаил все же разобрал — Витухновский. В самую точку!

— А-а,— закачал он головой, когда в ней все прояснилось — в ослепительном свете электрической дуги. И потом машинально переменялся на более глухую букву: — М-м...

Он едва остановил это нестерпимо длящееся междометие — от внезапного открытия. Старик мог выдать выдуманную фамилию, но по его вопросу сразу понял, что это уже бесполезно.

Ну и ситуация! Михаил только что рассказывал этому старшему,— а звать его Роман, вспомнил,— о нем же самом. О том, как он сам готовился опередить и замочить его, если ситуация выйдет из-под контроля. Значит, отсидели уже. Быстро же, еще совсем не старые, что называется, в расцвете лет. Того шофера закопали, а они как огурчики, едут развлечься в столицу. Его знакомые были на том суде, рассказали потом, что старшему брату дали десять лет, а младшему шесть — за то, что был рядом и не попытался предотвратить преступление. Даже вместе потом раскатывали на отобранном самосвале...

То-то заскрежетало на душе у Михаила, когда он расслышал скрытую угрозу в словах этого Романа: «Они меня знают!» Видно, держит себя в Жанадале таким паханом. Не узнал его сразу, видел-то один раз в жизни — в полутемной кочегарке, где затеяли ремонт. Да и столько времени прошло с тех пор...

Михаил не придумал ничего лучше, чем забраться на свою полку и отвернуться к стене. Он не знал, как дальше вести себя. Как после этого ехать вместе с убийцами в одном купе? Старик покряхтел и тоже вышел в коридор. Впервые Михаила оставили одного в отсеке.

Вернулись попутчики лишь через час. Непонятно, где прохладжались, может, ходили в вагон-ресторан. Папаша, конечно, поставил своих отпрысков в известность, что они полностью «раскрыты». Недаром отмалчивались всю дорогу. Думали, что так и доедут до самой столицы неопознанными.

Разговаривать больше было не о чем. Михаил буквально мучился: «Скорей бы

уже доехать!» Прикидывал, сколько же осталось до Москвы? «Так, шесть плюс одиннадцать... Семнадцать часов. С ума можно сойти за это время!..» Была бы смена Захара, попросил бы перевести в другое купе, где освободилось место.

Старший, теперь уже обретший имя Романа, потянулся к своей сетчатой полочке сбоку верхнего левого лежака. Достал барсетку и принялся в ней рыться. Вынул кожаный портмоне, открыл и тщательно пересчитал купюры.

Михаил зябко поежился: оставляли вещички без присмотра, а там ведь и деньги, теперь перепроверяют.

— Ничего не понимаю,— вдруг занервничал Роман,— куда делась моя бумажка?..

Михаил насторожился. Только этого еще не хватало! Может, ищет какой-то важный документ. Бумажка... Что, Михаилу не с чем сходить в туалет? Прихватил с собой рулончик... Бумажка!..

— Исчезла, и все тут! — не на шутку записывал Роман.

Полез под нижнюю полку. Выдвинул спортивную сумку и стал резкими движениями выгребать из нее содержимое.

— Как сквозь землю провалилась! — нагнетал рыщущий обстановку.

Не обнаружив искомого, он в слепом изнеможении бухнулся на койку, его словно колотило.

— Я же точно помню, что она была в моем бумажнике!..

Это уже походило на вызов. Михаила принародно выставляют грязным воришкой, ведь он один оставался в этом купе целый час. Вон уже и младший как-то криво косится на него...

Что делать в таких случаях, ума не приложить. Вызовут сейчас проводника и станут перетряхивать вещи Михаила? Выворачивать его карманы? Как назло, незнакомый проводник, Захар бы постарался приструнить этого разошедшегося Романа.

А вдруг он опять бросится в драку?..

Михаил тупо молчал, на этот раз он действительно пребывал в полном ступоре. Он даже не представлял, что сейчас начнется...

Роман еще раз развернул свой бумажник и радостно выкрикнул:

— Вот она, оказывается, была за подкладкой!..

* * *

Потом Михаил до самой ночи томился в неудобном коридоре, то смотрел отсутствующе в окно, то примазывался на откидном сиденье. Было очень неудобно, пассажиры сновали мимо: то за чаем, то в тамбур. Один даже облил его кипятком, когда вагон качнуло. Он здесь всем мешал, иные косились на него недоуменно...

Да, надолго он запомнит эту поездку. Пришлось соседствовать с такими отморозками...

Когда поезд, поплутав по окраине Москвы, остановился под навесом Казанского вокзала, Михаил дал возможность землякам выйти с сумками первыми, а следом быстро собрал свои манатки.

Земляки почему-то до сих пор в одиночестве стояли на раскаленном перроне. Теперь посматривают на него. Их никто не встречает. Должно быть, запаслись путевками в какой-нибудь загородный пансионат.

Сделал пару шагов по бетону и опустил у своих ног тяжелый баул. Троица все посматривала на него, у Романа был несколько озабоченный вид, словно опять что-то потерял. Благодаря этой случайной встрече в тесном купе до него прекрасно дошло, что в той кочегарке и его душонка стоила копейку, он мог бы сам потом кормить червей на сельском кладбище.

Да и Михаил при таком раскладе не стоял бы сейчас на этом перроне. Из-за своего характера и врожденной неуступчивости его бы, скорее всего, сгноило лагерное

начальство или «зачморили», как это у них называется, сами зеки. Зато тот шофер остался бы жив...

Тьфу, лучше не думать об этом! Все нормалек, с ним ничего непоправимого не случилось. Он будет теперь вольготно разъезжать вместе с сестрой по столице и окрестностям. Заскочат и в Апрелевку. Вон и сама сестра машет ему на ходу из толпы встречающих, которых уже пропустили к поезду. Да и эти братцы будут собирать в столице все доступные удовольствия, не особо мучаясь совестью. Вот только того бедного шофера, которому не повезло попасть под горячую руку, уже не воскресить...

Неожиданно Роман как-то виновато подошел к Михаилу и попытался схватить за плетеную ручку его баул с соленьями:

— Давай помогу!..

Но Михаил опередил его, не сумев скрыть брезгливости:

— Не надо! Я сам!..

